

РАЗГОВОР С АРХИТЕКТОРОМ

Часть I

ИНТЕРВЬЮ: ОЛЬГА КОРОТКОВА

В ГОД ЮБИЛЕЯ МЫ ПОГОВОРИЛИ С ОЛЕГОМ КЛОДТОМ
О ТОМ, ЧТО В ПРОФЕССИИ АРХИТЕКТОРА
САМОЕ ВАЖНОЕ, И О ЛИЧНОМ ВЗГЛЯДЕ МАСТЕРА
НА ТВОРЧЕСТВО И АВТОРСКИЙ СТИЛЬ

Фото: Евгений Кудряков

М

ы с вами столько лет в профессии, вы в своей, я в своей, и уже есть какая-то профессиональная деформация. Мы понимаем тонкости, следим за трендами, как бы к ним ни относиться. А для людей это ни о чем не говорит. Они думают о другом: «Вот у меня новый дом» или «Мне тут всё надоело». Пошел в мебельный шоу-рум, там тебе всё подскажут: какую кухню поставить, какую мебель выбрать, какой цвет подобрать. Зачем ваша профессия, в чем ее суть?

В первую очередь если люди пойдут в мебельный шоу-рум, как вы сейчас описали, то в 99 процентах случаев у людей, к которым они придут, будет задача продать какой-то товар. Наша профессия, если речь идет о профессионалах и людях ответственных, которые видят в этом не просто заработок денег, а действительно

Вневременной интерьер для семьи с двумя детьми. Москва, фотограф Михаил Лоскутов

дело жизни, — это умение понимать людей, которые пришли, понимать, что они на самом деле хотят. Очень редко приходят люди, которые точно знают, что они хотят. Во-первых, это почти наверняка не первый их опыт создания какого-то интерьера, во-вторых, они действительно как-то этим увлекаются, то есть это не тот случай, который вы описали. А если люди не знают, то они и себя не умеют читать. То есть они могут выражать какие-то пожелания, но дальше нужно понять, что им на самом деле соответствует, что им на самом деле подойдет, в чем им будет хорошо, комфортно и что будет действительно приводить их души в энергетически правильное состояние. Интерьер — это не картина и не скульптура, а именно пространство, в котором люди живут. Это энергетика, составленная самим пространством, и всё, что его наполняет, в том числе (главное) людьми. Они должны находиться в гармонии друг

Квартира архитектора Олега Клодта, Москва. Фотограф Михаил Лоскутов

с другом, тогда всё будет хорошо. Человек нашей профессии должен уметь понять людей, много знать и иметь большой арсенал инструментов, и он должен понимать контекст пространства. Потому что одному пространству идет один стиль, другому — другой, этому городу — такой стиль, этой улице идет такое, этому виду за окном идет такое. Это всё очень индивидуально, и почти наверняка у этой задачи будет немного решений. Почти всегда можно найти одно решение, правильное, и люди нашей профессии должны его найти. Оно будет всё в себя включать: и контекст, и людей.

Ничего себе, вы сформулировали. Ваша профессия призвана приводить людей в энергетически правильное состояние. А как это соотносится со стилями? Вы сказали есть разные стили, и решение может быть одно.

Да, есть разные стили. Это не значит, что неоклассика — это хорошо или минимализм — это хорошо,

кажется, эти две профессии разошлись. Архитектор как человек, который делает интерьер (я не о градостроительстве) и дизайнер интерьера или декоратор.

В чем тут коренное отличие и есть ли минусы?

Я бы не сказал, что это минус. Да, это действительно разные профессии. Более того, у меня вся структура работы устроена таким образом, что я как архитектор формирую пространство, все планировочные решения, а дальше след за мной идет команда дизайнеров. Как раз работает этот альянс архитектора и дизайнера. А дальше это всё возвращается ко мне, когда я прорабатываю все детали, все карнизы, профили, филенки и отдельные какие-то предметы, которыми насыщается это пространство. Вот этот симбиоз — залог успеха. Но есть огромное количество людей, у которых нет амбиций создать какое-то масштабное пространство, или пространство изначально неплохое. Может, оно вообще не требует такого глобального архитектурного подхода. Если у человека есть вкус и он

«Любой человек склонен к тому или иному стилю. Мои собственные предпочтения тоже меняются со временем»

а другое — плохо. Любой стиль имеет право на жизнь. Более того, любой жилой интерьер, на мой взгляд, в любом случае эклектичен. Этому стилю придумывают разные названия, то эклектика, то фьюжен, то еще какой-нибудь. Недавно придумали такой осовремененный джапанди — смесь японского и скандинавского, что лично мне очень близко. Но любой человек склонен к тому или иному стилю в зависимости от его вкусов и времени развития. Мои собственные предпочтения тоже меняются со временем. Но дальше это надо поженить с пространством, в котором ты находишься, с тем домом, с тем видом из окна. Нам, например, приходится делать разные проекты с девелоперами, например демоквартиры. И всегда, в любом жилом комплексе они просят сначала планировки, допустим, две квартиры. А теперь делаем варианты — современный стиль и неоклассику, в темном и светлом цвете. И я раньше не возражал и вынужден был с этим соглашаться. Когда мы работаем с безличным клиентом, я иду на компромиссы. Но при этом мне зачастую не кажется правильным делать в каком-нибудь жилом комплексе вариант неоклассики, потому что это не идет месту или архитектуре здания. Если бы ко мне пришел частный клиент, я бы его отговаривал от этого и предлагал что-то другое. А тут приходится соответствовать усредненному вкусу, чтобы всем угодить. Получается такая бездушная отелная картинка.

То есть это как раз вопрос контекста.

Всегда всё вопрос контекста и масштаба. В архитектуре и дизайне всё упирается в два этих понятия.

То есть ваше базовое и профессиональное начало, архитектурный подход влияют на то, как вы видите внутреннее пространство. Но сейчас, как мне

отучился в соответствующем учебном заведении на профессию дизайнера, вполне возможно, что он станет очень неплохим дизайнером. Архитектором он стать не сможет. И в этом есть некая ущербность. То есть я не сомневаюсь, что люди с большим проектом, грандиозным, с пентхаусом, с амбициями сделать себе настоящее статусное жилье, пойдут в бюро, где есть и архитектурный, и дизайнерский, и декораторский подход. Я сейчас внутри команды выделяю даже отдельных специалистов по флористике, искусству, каждый человек должен заниматься своим делом, и тогда получится хороший командный продукт.

По ходу дела вы рассказали о структуре вашей компании и процессах в вашем бюро.

Да. Это очень диверсифицировано. У меня уже лет 6–7 назад выделилась отдельная команда, которая разрабатывает индивидуальные изделия. Мы с дизайнерами придумываем интерьер и детали в нем, дальше я разрабатываю каждую вещь: всю встроенную мебель, карнизы, двери, отдельно стоящие предметы, светильники. И когда уже понятно, что одежда вписаны в пространство до миллиметра, что одежда полностью надеда на стены, потолки, полы, всё это попадает в отдел индивидуальщиков, которые уже каждый предмет в отдельности разрабатывают с узлами, с крепежами, со всеми возможными видами. И создается альбом индивидуальных изделий, который уже отправляется изготовителю. Это лишает производителей шансов хоть как-то набезобразничать, и мы на 100 процентов уверены, что каждый предмет в интерьере будет именно таким, как мы его видим. Вот в этой тщательности, мне кажется, секрет успеха.

Вверху Квартира на Трубечной, Москва. Фотограф Сергей Ананьев

Внизу Загородный дом в Малаховке, фото Михаил Лоскутов.

А зачем вообще нужна эта авторская история в интерьере, такое серьезное отношение к разработке индивидуальных элементов, ведь так было не всегда. Это превратилось в повальное направление. В вашей личной практике как вы к этому пришли?

Это был долгий путь. У нас это смесь и подхода, и реальности. Когда мы начинали делать интерьеры, 25 лет назад, на тот момент времени мы были недорогими дизайнерами, молодыми. С одной стороны, нам хотелось авторского самовыражения, а с другой — у клиентов не было столько денег. Мы начали первые робкие попытки. Сначала мы делали какие-то лофтовые вещи из фанеры. Потом у меня появился первый заказ на классический интерьер, я с удивлением обнаружил, что все профили на рынке были слишком классические, не такие как мне хотелось. Дверей хороших тоже не было на рынке. Я начал рисовать сам двери, профили, плинтусы, встроенные шкафы, лепнину. Я в жизни никогда не видел ни одной красивой ТВ-тумбочки. Это, с одной стороны, утилитарный предмет, который должен вмещать в себя просто технику, а с другой — центровой элемент всей гостиной. И почти все ТВ-тумбочки все эти 25 лет были авторскими. Потом это всё множилось, захотелось придумывать какие-то свои вещи. Потом мы родили специально для этого британский бренд O&A, чтобы делать коллекции в коллаборации с французскими, американскими брендами. А потом в силу политической и экономической ситуации возникла необходимость делать всё это в России. И действительно, в России появилось очень много производств, которые очень быстро прогрессируют. За эти 25 лет столярные мастерские уже давно научились всё делать, но до недавнего времени у нас были очень большие проблемы со стеклом, с металлом (с ним и сейчас проблемы, специалистов по металлу очень мало). Но, например, стекольщики молодцы. Деревянщики, которые когда-то научились делать хорошо предметы с точки зрения качества, но не умели работать со шпонами, с лаками, спецхудожественными покрытиями, как французы, на мой взгляд, — лидеры во всех таких вещах, — сейчас с такой скоростью наверстали это. Поэтому если бы прирост ремесленного производства не произошел в России, просто было бы невозможно этот тренд осуществлять. И мягкую мебель делать научились, набивать подушки — ровненько, никакой крови из глаз, когда смотришь на швы диванов. А общее ощущение изменилось. Если раньше любому клиенту я говорил, что мы будем это делать в России, и он скептически ухмылялся, и мне приходилось доказывать, что мы сумеем сделать гардеробную или дверь в Москве, то сейчас не приходится этого делать. Общее мнение поменялось. Поэтому я думаю, что это тоже играет важную роль.

То есть репутация отечественных производителей выглядит совершенно другим образом?

Да. Ко мне приходят самые богатые клиенты с абсолютно неограниченными финансовыми возможностями, и они совсем не против делать всё не в Италии, а здесь. ■

